

И. С. Скоропанова (Минск)

ПОЭТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В.А. КАРПОВА (1940 – 2006)

Два крыла творческой личности Владимира Александровича Карпова – наука и поэзия. И если ученым он стал, то поэтом родился и на протяжении всей жизни с сознанием осуществляемого предназначения писал стихи. Наиболее значимым оказался для Карпова пример и творческий опыт Б. Пастернака, Н. Заболоцкого, А. Тарковского, которые в пору его молодости после длительных запретов начинали возвращаться в литературу* и которых он называет своими учителями. Степень вживания в творчество любимых авторов была столь сильна, что немалые усилия понадобились Карпову для преодоления своей эстетической зависимости от них. Но никогда он не изменил воспринятой у этих поэтов верности искусству слова и первую книгу стихотворений сумел издать, подобно А. Тарковскому, в шестидесятилетнем возрасте. Могло ли быть иначе, когда

Стояло время колпаком шута,
и в жизни без движенья, без нажима
прикидывалась формой пустота
со всем своим огромным содержимым [3: 123],

а Карпов быть шутком на чужом пиру, пусть даже пожалованным собольей шубой с царского плеча, не хотел. Его отличали

Непримиримость к рабству, злу,
Любым режимам, к морали карликов и слуг –
Пусть лоб расшиблен [3: 10].

Признанию и возможности публиковаться при "запрете на запрете" поэт предпочел свободный драйв. Написанное за тридцать с лишним лет составило книги стихотворений "Амальгама" (2000) и "Дао" (2005).

Заглавие каждой из книг – одновременно и ключ ко всей совокупности составляющих их произведений.

"Амальгама", как разъясняет сам автор, – таинственно звучащее слово из детства ("из какой-то кассилевской повести"); это определенный тип сплава, а в переносном значении – соединение чего-то разнородного; амальгамация же – способ извлечения из руд благородных металлов – золота, серебра, платины; не лишне отметить также, что амальгаму используют в производстве зеркал. Так что карповская "амальгама" – синоним поэзии, извлекающей из "шлака" жизни самое ценное, прекрасное (причем из разных сфер, соединяя, казалось бы, и несоединимое) и образующей волшебное – движущееся, живое, навсегда сохраняющее ушедшие мгновения зеркало, отражающее прежде всего душу творца и то, что она в себя вобрала. Актуализировал в сознании поэта "таинственное слово" поразивший многих в 1960-е годы кинофильм Андрея Тарковского "Зеркало", в котором звучат стихотворения Арсения Тарковского "Первые свидания" и "Жизнь, жизнь", единство разнородного передает живой трепет жизни, подтекст (отсылающий к контексту эпохи) равнозначен с высказанным словом, на всем лежит отпечаток личности режиссера. Мотивы "Зеркала" преломились в творчестве

* Б. Пастернак еще без «Доктора Живаго».

Карпова, и "Амальгама" – собственная, нелинейно изложенная история жизни поэта, представленная в неких сгустках-циклах и так или иначе пересекающаяся с историей общества. Сгруппированы стихотворения в циклы о детстве и "корнях" поэта в мире (они содержат немало реальных автобиографических примет, вплоть до указания даты и места рождения – 16 марта 1940 г., Вологда), юности, пришедшейся на годы "оттепели" (в этом случае стихи могут даже включать в себя перечисления адресов, по которым жил Карпов в Вологде, Москве, Ленинграде, и посвящения людям, с которыми общался), периода зрелости (представленного, главным образом, произведениями философского характера, любовной лирикой, дружескими посланиями). Большие промежутки жизни остаются в стихах незаполненными, – по-видимому, это периоды, когда на первый план выходила наука и самореализация осуществлялась в иной, нехудожественной форме. Впрочем, Карпов отмечает некую "дискретность" человеческой жизни и памяти вообще:

жизнь – все перебои,
интервалы [2: 167], –

целые куски прожитого куда-то проваливаются, другие же (наиболее яркие эмоционально) помнятся отчетливо, во всех деталях. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие социального антуража 1970–1980-х гг. Обозначив эту сферу жизни "послеоттепельного" двадцатилетия как "пустоту", Карпов подчеркнуто от нее отстраняется, выстраивает в своих стихах "параллельный мир" – эстетически преображенное "инобытие", в котором протекает его духовное существование. Константы этого мира раскрывает философская лирика поэта – циклы "Мыс", "К свету", "Север – Юг", "Метаморфозы" и др. Карпов стремится уяснить место человека в мироздании, дабы чувствовать себя укорененным в бытии, обращается к традиции "поэзии мысли". Его философские произведения преломляют мироощущение человека, воспринимающего как свой дом всю нашу планету и Вселенную и осознающего свое **прародство** и неразрывную связь со всем миром живого:

Я в этой жизни кем-то был
Иль чем-то... Так материально
Родство сегодняшней судьбы
Со всем бывшим материалом.
Я многорукий – от деревьев,
А может быть, креста заслуга...
Я – только миг в календаре
У вечности. Но краски луга
– во мне! Тончайшая из линз
Откуда? Был же кто-то первый,
Кто перелил мне кровь земли,
связал в одно обрывки нервов,
разбросанных и там и сям
в созвездиях моей Вселенной?! [3:58]

Карпов развивает идеи русского космизма и диалектики природы, воспринятые через концепцию метаморфоз Н. Заболоцкого и сопрягающуюся с ней поэтическую философию А. Тарковского. У первого он взял и название цикла "Метаморфозы" (о котором идет речь), а посвятил его

А. Тарковскому*. Мир для Карпова – особым образом упорядоченная система бесчисленного множества объектов, способ функционирования которой – становление. Самый важный для человека результат становления – появление жизни на Земле. В соответствии с идеями ноосферы В. Вернадского (отозвавшимися в "Деревьях", "Метаморфозах", "Завещании" Н. Заболоцкого) жизнь понимается как явление космическое: условие ее возникновения и продолжения – воздействие на Землю космической энергии, и прежде всего солнечного излучения. Отсюда и строки об "обрывках нервов", разбросанных в созвездиях Вселенной, которые, будучи "связаны в одно", породили "кровь Земли" – жизнь. Антропоморфизация естественно-биологических процессов (через использование метонимических обозначений: "нервы", "кровь") имеет целью представить возникшую природу как единый живой организм. Все элементы неразрывно связаны в нем друг с другом, все сбалансировано и равно необходимо для устойчивого существования и развития целого. Динамика взаимопревращений обеспечивает бессмертие жизни, хотя и ценой смерти каждого отдельного существа. Но гибель этой миллионами лет складывавшейся биосистемы означала бы прекращение жизни вообще. Ощущающий себя неотъемлемой частицей бытия-становления, подобно лирическому герою цикла, видит в продолжении жизни собственное бессмертие. Он осознает себя звеном в разветвляющейся цепи метаморфоз* и явственно представляет свое эволюционное – дочеловеческое и постчеловеческое будущее.

Раскрывая "текущую" природу человеческого существа, Карпов использует приемы "генеалогического припоминания", отождествления с различными объектами природы, футурологического прогнозирования/фантазирования, обращается к понятиям со значением процессуальности. Еще в цикле "Мыс" он писал:

Мы, пасынки таинственных глубин,
Хватаясь за наследственное право,
Мы еще только учимся любить
Проросших предков – луговые травы.

Еще к прапредкам приведет нас путь
Исканий среди тьмы генеалогий [3: 43].

В образах цикла закодировано указание на зарождение жизни в Океане, некогда полностью покрывавшем Землю, образование известковых пород из спрессовываемых временем скелетов рыб, создание коры Земли, выход ранних форм жизни на поверхность суши. В карповских "Метаморфозах" эта линия находит свое продолжение, но осмысливается через человека. Лирический герой раскрывает в самом себе признаки генеалогического родства со всем миром живого и воспринимает смерть как переход в другую форму бытия: утратив физическое тело, он растворится в природе, став ее

* К которому, помимо того, отсылают парафразы и скрытые цитаты: к стихотворению «Я так давно родился...» – начальные строки цикла, к стихотворению «Я прощаюсь со всем, чем когда-то я был...» – итоговые:

ликуй! Всей дрожью ты сейчас предстал
В своей – уже не снять! –
Последней коже [3: 61].

* Определение, восходящее к Н. Заболоцкому:

Звено в звено и форма в форму [1:194].

бессмертной частицей. Таков усвоенный им смысл "Завещания" Н. Заболоцкого:

Я не умру, мой друг. Дыханием цветов
Себя я в этом мире обнаружу... [1: 223], –

преломившийся в строках:

Для какой ступени
готовлюсь – в той, другой успеть –
все то, что в этой не успею?
Успеть и взглядом, и строфой,
и гущей повседневной прозы –
– войти звеном в метаморфозы,
в которых оболочка – фон [3:58].

В данном случае акцентируются родовые черты лирического героя, присущие всем людям. Но, кроме того, выявляются и индивидуальные: перед нами поэт, взыскующий истины, следующий путем творцов подлинного искусства, избравший позицию "неприсоединения" к режиму, истребляющему цвет жизни. Хотя ближе ему Н. Заболоцкий и А. Тарковский, в свою поэтическую генеалогию он включает также А. Блока, В. Маяковского, С. Есенина, Б. Пастернака, М. Цветаеву, А. Ахматову, О. Мандельштама, оплативших творческие прозрения трагическими судьбами, признается:

Читая жития людей,
рожденных на изломе века,
пытаюсь светом овладеть,
постичь новейшего завета
суть... [3: 60].

Новейшим Заветом для мыслящих людей советской эпохи – заветом сопротивления тоталитарному мракобесию, защиты культуры, самих основ жизни стала неофициальная литература. К созданному ее творцами и стремится добавить свое звено Карпов. К ждущим впереди испытаниям он готов ("А уж согнет – разглядит / судьбой уготованный крест"), дух свой закалил, запасся мужеством на всю жизнь вперед ("Я сам себя ковал, я прочно скован"). При этом сомнения полностью его не покидают ("Звено – подсказанный ответ – опять вопросом зазмеилось"): сумеет ли он достичь той планки, какую сам для себя установил? Окажется ли написанное не подверженным "отрицанию тлена", сохранив и "духовное тело" автора? Решающей оказывается готовность сгорать в огне творчества, вне зависимости от будущего признания/непризнания.

В ночах настольные костры
горят. Не греешься, а всходишь
на них... [3: 59], –

исповедуется поэт.

Доказывая самому себе "теорему бытия" и отделяя "свет" от "тьмы", Карпов перемещается "в другую систему отсчета", где правят категории вечности и царят непреходящие ценности. Высшее место в их иерархии занимает жизнь во всем многообразии ее даров. Поэтическую формулу Б. Пастернака "Сестра моя – жизнь" Карпов дополняет эпитетом

* Парафраз строк А. Тарковского: Сам на себе я самого себя
Самим собой ковал [4:201].

"прекрасная" и главным признаком, отличающим живое от неживого, – дыханием ("Ты прости, что при жизни стихи не дарил..."). Вслед за прославленным предшественником он стремится опозитизировать сам феномен жизни, представить ее как ценность, на которую нельзя посягать. В произведениях этого типа акцент перенесен с философского осмысления на эстетизацию, точнее – философичность уходит в подтекст, растворена в системе образов. Первостепенную важность приобретает изображение порожденной жизнью красоты. Как правило, ее воплощают картины природы.

Земное многообразие и великолепие в восприятии поэта превосходит "кислый рай". Достаточно характерно для Карпова уподобление различных явлений природы драгоценностям ("миллионами жемчужин/мне казался старый град"), произведениям искусства ("льется жаворонка стих"), священным реликвиям ("иконы лесов в позолоте"). Смена времен года дарит все новые чудеса, которыми не устает восхищаться поэт. Каждый месяц имеет у Карпова свое лицо – в прямом и переносном смысле слова, так как автор прибегает к антропоморфизации, сближая природу и человека. Таковы "репетитор" радости январь, готовый "вовсю кудесить" май. Март же у Карпова – "вечное накануне", символ кануна перемен. Но настоящий праздник у него – лето, пора цветения природы, блистающей своими лучшими нарядами, одаривающей людей бьющей в глаза красотой:

Над сумерками – фейерверк
Кустом сирени.
Свет божий, видно, не померк –
– душа – в паренье! [3: 140].

Собственный "праздник законный" справляют "ветла, трава, ручей, кузнечик, дождь", и душа поэта, вовлеченная в общий пир жизни, ликует, взрываясь стихами:

Что стоит жизнь с единственной гирей
полезности? – Истертый эталон! –
Когда и за окном, и над столом
Бушует не гроза – полет валькирий [2: 142].

Карпов выражает опасение, что урбанизирующийся мир оставит лишь "крохи жизни под щитом бетона" [1: 179], и все в нем противится этому.

В произведениях поэта возникает устойчивая оппозиция "город – загород", где "город" – царство камня и хомута, в который впряжен человек (в некоторых стихотворениях – синоним тюрьмы), "загород" (как и у Б. Пастернака, уроки которого явственно ощутимы) – мир естественной жизни, свободы, радости. Особенно хорошо в просторных хорах природы влюбленным, словно вырвавшимся из своих душевных камер, чтобы броситься в объятья друг друга, и чувствующим себя пребывающими в Эдеме ("За городом", "Что там ветер нашептал"). Любовь у Карпова и святыня, и колдовство, и счастливое безумие; и пробуждающая ее женщина опозитизирована: всегда это существо необыкновенное – "верх великолепия", "земли событие". Так устроена оптика поэта.

Вечернее, дневное,
Как праздник свой, –
Люблю твое лицо [2: 82], –

вновь всплывает мотив праздника в цикле "Эхо". В одном же из последних стихотворений поэт называет дорогую женщину "сестрой милосердия",

интерпретируя социальную сферу жизни как поле боя, где бывал и ранен, и контужен, но спасаем любовью.

Однако не случайно один из циклов книги "Амальгама" Карпов озаглавил строчкой А. Тарковского "Вот и лето прошло...". И у того, и у другого автора лето – не только пора года, это метафора зенита жизни, в то время как весна ассоциируется с юностью, а осень с увяданием. С завершением "лета" приходит время итогов. В жизни Карпова оно совпадало с переломом в жизни всего общества, обозначившимся в 1990-е гг., потребностью кардинального переосмысления пережитого за целое столетие, формирования новых жизненных ценностей. В творчестве поэта на первый план выходит социальная и нравственно-философская проблематика, что отражает книга "Дао".

Понятие "дао", отсылает к категории древнекитайской философии и культуры, где используется в трех основных значениях: а) "мать всех вещей" ("корень всего", "всеединое" по Лао-цзы), слово (подразумевается – истины), в) путь (как благой ход общественной и индивидуальной жизни). У Карпова "Дао" – жизненный путь, каким его выбрал и проложил поэт в соответствии со своей этической философией блага. Она предполагает:

- следование по-кантовски понимаемому нравственному императиву;
- непричинение зла другому человеку;
- просветление собственной души и душ других людей обретенной мудростью;
- ставку на любовь-агапэ как путь к сближению душ;
- единение с миром природы как миром естественной жизни и красоты;
- ощущение своей неразрывной связи с родиной как феноменом национальным и духовным;
- движение к идеалу мировой гармонии.

Так что "Дао" – в каком-то смысле – изложение учения, которому всю жизнь стремился следовать сам поэт и которое определило его судьбу.

В характере и психологии Карпова действительно было нечто от Учителя, и скорее именно в даосистском понимании, – Учителя жизни. Главным "учебником" была сама карповская личность, излучавшая доброжелательность, порядочность, надежность, выдававшая натуру незаурядную, творческую, наделенную харизмой. И тема "учитель – ученик" в книгах поэта присутствует, причем в произведениях проступает автобиографическая подоплека. Размышления Карпова о жизни и смерти, свете и тьме, своем веке, судьбах человечества, самом себе нередко принимают форму дружеского послания и напоминают продолжение начатого разговора, возникших человеческих отношений. "В посвящениях – имена спутников, деливших хлеб и душу, мысли и порывы. В том, что сегодня представляет мое его, присутствует и их невидимая работа" [3: 4], – указывает автор в предисловии к "Дао". Поэтому, выступая в роли Учителя, готового делиться накопленной мудростью, красотой поэтического слова, он, следуя завету А. Тарковского, не перестает ощущать себя и "вечным учеником". Не случайно уже в "Амальгаме" появляется раздел "Уроки учеников". Как можно понять, эти "уроки" позволяют не закоснеть, сохранить молодость души, уподобляемой "летучему голландцу":

С годами – дорожишь
всем, что намыл, намыкал.

Так привыкают жить,
а надо не привыкнуть [3:117].

В диалоге с близкими по духу людьми стремится Карпов осмыслить русскую и советскую историю, уяснить происходящее на рубеже XX–XXI вв. в стране и мире. Свое собственное прошлое поэт характеризует как *настоящее* (выделяя это слово курсивом), то есть прожитое полноценно, – у него "час горел за день" [2: 91]. Вытесненность из литературы при нежелании "продаваться" он считает неизбежной; осуществлявшуюся над ней тоталитаризмом расправу Карпов осуждает, через метонимию зримо раскрывая трагизм судеб подлинных творцов искусства:

Что там видится – в сумрачной мгле,
Где лачуги, казармы, бараки?
В этом, красным подернутом, мраке
Вижу певчее горло в петле [3: 21].

Значение использованного эпитета "красный" двоятся: это и указание на один из самых распространенных элементов советской символики – красные флаги, знамена, полотнища, скатерти, вымпелы, галстуки, косынки, и – синоним понятия "кровавый", так как кровью невинных жертв залита вся советская история. Мысленно листая ее страницы, поэт отмечает:

– заглавных букв закваска – на крови,
И на полях ошибки – цветом красным [3: 19].

И, может быть, самое страшное, по мысли Карпова, заключается в том, что творимые преступления участниками исторического процесса как преступления не осознавались. Эту перверсивность сознания поэт определяет как "сон разума", рождающий чудовищ. Пребывающие в затмении рассудка творят зло, принимая его за добро, и очень агрессивны по отношению к тем, кто пытается их "разбудить", в чем Карпов убедился и на личном опыте:

Сон разума. Чудовища живут
Не на картине – видел наяву,
Лицо в лицо и даже не однажды... [3: 19].

"Неразбужденных" по-прежнему немало и, фальсифицируя прошлое, они готовят себе смену, а с ней – неототалитарное будущее. Об этом предупреждает Карпов, когда пишет:

Мы – в жизни, мы по горло в вечном
Вращенье света бесконечном
И в звоне золотистых спиц...
Страшны, как дети, и беспечны.
.....
А где-то мастер дел заплечных
Пока еще в пеленках спит [3: 157].

Метафора "сон" в данном контексте адекватна диссоциированности сознания содержаниями бессознательного, пребыванию в духовной слепоте. Преодоление идеологической зомбированности и неменяемости, такой же категорический запрет на убийство, как некогда на каннибализм, переориентация на ценности, благоприятные для жизни, – вот предлагаемый Карповым путь освобождения от кошмарного дурмана.

Поэт причисляет себя к рати убирающих камни с поля, расчищая его для посева. Он учит распознавать за видимостью – сущность и не бухаться в ножки очередной сладкоголосой сирене-чуме, и не радоваться новому хомуту только потому, что он новый, – напротив, не позволять на себе ездить никому ("Меж вечных как и редких так гремят..."). Точно так же не следует раздуться лягушкой с гору и перегораживать путь всем другим – рано или

поздно лопнешь или будешь раздавлен еще большей горой ("Жизнь уродлива порой...").

И если XX век изображался Карповым в виде недоразвитого ребенка, умеющего только ползать и мало что соображающего (цикл "Баклуши"), то начавшийся XXI-й характеризуется как "век юродивых и очнувшихся кликуш" – такое потомство произвел неполноценный предшественник, и оно задает тон в обществе. Поэт не считает, что разум восстановлен в своих правах, иначе почему в Думе заседают и определяют судьбы людей Держиморда, Каин, Чичиков, столь вольготно киллеру и дилеру, а "шум времени" – шуршанье чистогана ("Миллениум")?

В новую "муть" Карпов вписываться не желает, именуется себя "белой вороной": он не намерен поклоняться чужим кумирням и богам, не может принять "дневи суету". Но в его максимализме нет места нетерпимости, настроений конфронтации – своего противника поэт видит не в людях, а в их пороках. И даже будучи "сброшенным с трона", куда вознес Карпова обретенный авторитет, он не стремится отомстить, не затевает "войну" и, хотя полон горьких чувств, едва придя в себя, восклицает:

Здравствуй, мой невоюющий мир! [3: 177].

Вот эта нравственная позиция человека, принципиально отказывающегося "воевать" с другими людьми (то есть следовать волчьей морали – вспомним: "Homo homini lupus est"), выстраивающего свои взаимоотношения с ними на основе дружбы, "конвенциональности", в крайнем случае – "нейтралитета", чтобы не увеличивать зла в мире и давая пример мудрости, толерантности, благородства, побуждает воспринимать Карпова не только как "сборщика камней", которыми усеяно поле жизни (либо до поры пребывающих за пазухой), но и как "сеятеля будущего": он сеет в душах семена добра, силой поэтического слова стремится пробудить дремлющий разум. Желанный идеал будущего – скорее мечту о мировой гармонии – Карпов отразил в строках:

Проснемся мы. И без былой вражды,
Сродненные бедой, поверив числам,
По-братски разольем живой воды
Всем поровну, той, первозданно чистой [3: 20].

Традиционно "живая вода" – метафорическое обозначение Слова Божьего; у Карпова это Завет Любви и Всеединства с самой расширительной семантикой, включающей в себя и христианские, и даосистские, и светские толкования. И это бросает дополнительный свет на заглавие книги "Дао", которое может быть дешифровано как Слово, Слово-Путь, Напутственное Слово. Свою каплю "живой воды" в духовную жизнь общества Карпов действительно добавил. Время отберет самое ценное из написанного им, произведет собственную амальгамацию, и поэзия примет еще одного отверженного, восстанавливая недостающее звено.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заболоцкий, Н. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1.: Столбцы и поэмы 1926–1933. Стихотворения, 1932–1958. Стихотворения разных лет. Проза. – М.: Худож. лит., 1983.
2. Карпов В. Амальгама: Стихотворения. – Мн.: Петит, 2000.
3. Карпов В. Дао: Стихотворения. – Мн., 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.bsu.by/karpov/poeziya/dao.htm>. – Дата доступа: 15.12.2006.
4. Тарковский А. Избранная лирика. – Ростов н/Д: Феникс, 1998.

